

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
ул. Советская 93, Тамбов, Россия, 392000
E-mail: nush2001@mail.ru

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. РАЗРАБОТКА НОВЫХ ПОДХОДОВ В РАМКАХ КОГНИТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящается изучению различных подходов к исследованию аналитических структур в современной лингвистике. Обосновывается необходимость когнитивной интерпретации явления аналитизма. Демонстрируется использование концептуального аппарата когнитивной лингвистики (ментальное пространство, концептуальная интеграция, бытийный, фреймовая структура и др.) для описания немецких аналитических конструкций. Предлагается рассмотрение формирования аналитических структур как механизма аналитической репрезентации концепта.

This article is concerned with modern methods of studying analytical constructions. German analytical constructions are described via such conceptual devices (typically cognitive) as mental space, conceptual integration, and frame structure. The necessity of the analytical representation of the concept with the help of analytical constructions is thus enhanced.

Проблемы языкового аналитизма принадлежат к области базового лингвистического знания, формировавшегося на протяжении длительного времени. Исследование аналитизма предпринималось представителями разных направлений [Гухман, 1955; Жирмунский, 1965; Гак, 1976; Телия, 1981; Ярцева, 1990; Абрамов, 2003; Шапошникова, 2005 и др.], описывавших на материале различных языков его самые разнообразные проявления.

Центральное место в этих трудах неизменно уделялось аналитическим конструкциям, признанным одной из типологических характеристик языкового развития, отражающим общепризнанную тенденцию к замене простого слова словосочетанием и получившим в силу этого статус языковой универсалии. Данная языковая универсалия, отличающаяся своеобразием в различных языках, проявляется в современном немецком языке как активный и продуктивный процесс формирования аналитических конструкций субстантивно-глагольного типа.

Немецкая лингвистическая традиция изучения категории аналитических конструкций субстантивно-глагольного типа – Funk-

tionsverbgefüge, начиная с самых ранних работ [Grimm, 1822–1837], развивалась многими известными учеными [Wunderlich, 1901; Behaghel, 1923–1932; Glinz, 1968; Brinkmann, 1971] включая представителей более позднего периода по сегодняшний день [Daniels, 1963; Polenz, 1987; Heringer, 1968; Helbig, 1984; Eisenberg, 1999 и многих других].

Несмотря на внушительность результатов, полученных в ходе исследования феномена аналитизма, обнаружилась недостаточность традиционных подходов для разрешения существующих проблем и дальнейших обобщений в данной области.

Пытаясь оценить то положение вещей, которое сложилось в немецкой лингвистике в исследовании данного объекта, следует подчеркнуть, что границы его рассмотрения в целом не простирались за рамки грамматической теории, а также отчасти фразеологии. При этом процесс формирования субстантивно-глагольных словосочетаний аналитического типа объяснялся через возникновение десемантизации или развитие фразеологической связанности глагольного значения, что недостаточно полно раскрыва-

ло содержание данного языкового механизма.

Необходимо признать, что целый ряд работ, написанных на эту тему, внес определенную ясность в понимание сущности аналитизма как лингвистического объекта. Одновременно это было и вкладом в изучение субстантивного стиля и соответствующей тенденции (в смысле *Substantivierungstendenz*), а также в обсуждение тесно связанных с этой тенденцией вопросов «хорошего стиля». В то же время невозможно считать эти неоспоримые достижения немецкой лингвистической мысли окончательным решением всего комплекса спорных вопросов, тем более что за сорок с лишним лет, прошедших со времени появления книги К. Даниэлса, одного из самых первых, объемных и основательных произведений по данной проблематике [Daniels, 1963], произошли ощутимые изменения в системе немецкого языка, возникли новые подходы к теоретическому осмыслению языковых явлений, прежде всего в результате становления и развития когнитивной парадигмы.

Традиционно в неоднородном корпусе аналитических субстантивно-глагольных конструкций, отличающихся широким спектром структурно-семантических свойств, отмечается поляризация: выделяются словосочетания, с одной стороны, тяготеющие к лексико-морфологической сфере, с другой стороны, демонстрирующие близость к лексико-синтаксической сфере [Günther, Pape, 1980. S. 115].

Будучи построенными по типовой структурно-семантической модели, словосочетания первого вида являются в высокой степени устойчивыми, лексически неразложимыми, эквивалентными синтетическому глаголу, в основном, не образными и стилистически нейтральными. Компоненты этих словосочетаний относятся, как правило, к основному фонду языка, старейшим пластам лексики, притом что глагольный компонент представлен морфологически простыми широкозначными единицами типа *haben* (*eine Wirkung haben*), *kommen* (*ins Schwitzen kommen*), *treten* (*in Streik treten*), *geraten* (*in Armut geraten*), *liegen* (*im Sterben liegen*), *stehen* (*unter Beobachtung stehen*), *nehmen* (*in Haft nehmen*), *ziehen* (*in Betracht ziehen*) и подобными. Именно эта группа словосочетаний (*eigentliche Funktionsverbgefüge*) находилась до последнего времени в центре внимания немец-

ких исследователей [Grundzüge einer deutschen Grammatik, 1984. S. 431–437].

Наряду с этим обозначается широчайшая периферия категории, представленная аналитическими словосочетаниями субстантивно-глагольного типа, тяготеющими к лексико-синтаксической сфере, аналитизм которых не погашает лексической индивидуальности их компонентов. Подобным словосочетаниям не свойственны или в незначительной мере свойственны признаки, характеризующие лексикализованные субстантивно-глагольные словосочетания аналитического типа, они не отвечают большинству критериев, отражающих утрату именем существительным, компонентом данных словосочетаний, его категориальных свойств, имеют меньшую степень устойчивости.

Подобные конструкции, не являющиеся словосочетаниями функциональных глаголов в собственном смысле слова (*uneigentliche Funktionsverbgefüge*), типа *eine Bemerkung fallen lassen* [Daniels, 1963. S. 52], *mit einer Äußerung herausplatzen* [Bahr, 1977. S. 73], *sich Verletzungen zuziehen* [Grundzüge einer deutschen Grammatik, 1984. S. 436], *in Lachen ausbrechen* [Steinitz, 1977. S. 105–106] обычно остаются за рамками рассмотрения, поскольку не вписываются в жесткую классификацию, отвечающую интересам грамматической теории.

Вместе с тем подобные аналитические конструкции неизменно встречаются в трудах немецких лингвистов среди языкового материала, приводимого для иллюстрации неоднородности и неоднозначности свойств данной категории, что можно расценить как стремление выйти за традиционные рамки ее исследования.

Именно в сфере периферии категории субстантивно-глагольных аналитических конструкций понятие десемантизации, даже если исходить из невозможности «полного семантического опустошения» и понимать под ней лишь частичное «выветривание лексического значения», не позволяет охватить явление глагольной полуслужебности в целом, так как для множества глаголов характерна не столько утрата сем, сколько семантические трансформации.

Выявляемые в процессе концептуального анализа, последние далеко не всегда лексикографически зафиксированы, как, например, в следующих случаях: *bauen* (*sein*

Examen bauen ‘examiniert werden’), schweben (in Angst schweben ‘sich ängstigen’), schöpfen (Verdacht schöpfen ‘verdächtigen’), fassen (einen Entschluss fassen ‘sich entschließen’), schmieden (Pläne schmieden ‘planen’).

В других случаях, напротив, концептуальный анализ уже на уровне словарного толкования, позволяет обнаружить результат семантических трансформаций, глагольного значения. Например, глаголы *fallen*, *rennen*, *sich stürzen*, *reißen*, используемые в качестве полуслужебных в составе аналитических конструкций *in Schlaf fallen*, *in sein Unglück rennen*, *sich in die Arbeit stürzen*, *Witze reißen*, обеспечивают репрезентацию следующих признаков соответствующих концептов ‘Schlaf’, ‘Unglück’, ‘Arbeit’, ‘Witze’:

‘быстрота’ + ‘внезапность’: *in Schlaf fallen* ‘schnell einschlafen’; ‘plötzlich einschlafen’ (см.: [Wahrig, 1994; Duden, 1988]);

‘неожиданность’: *in sein Unglück rennen* ‘sich in eine schlimme Lage bringen, ohne es selbst zu merken’ [см.: Duden, 1999];

‘интенсивность’ + ‘энергичность’ + ‘эмоциональность’ + ‘решительность’: *sich in die Arbeit stürzen* ‘sich intensiv mit der Arbeit beschäftigen’; ‘energisch zu arbeiten beginnen’; ‘sich intensiv, eifrig, leidenschaftlich mit der Arbeit befassen, mit der Arbeit beginnen’; ‘energisch, ohne Zögern mit der Arbeit beginnen’ (см. соответственно: [Duden, 2001; Wahrig, 1994; Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1974–1977; Duden, 1988; Brockhaus, Wahrig, 1980–1984];

‘грубость’: *Witze reißen* ‘derbe Witze erzählen’ [Duden, 2001].

Помимо этого, образные ассоциации, которые часто вызывают глаголы в полуслужебной функции заставляют вести речь об «образных наслоениях», «коннотативном шлейфе» глагольных значений или значений аналитических конструкций. Например: *sich hangeln* → *sich durchs Leben hangeln* (übertr.): Es wurde Sonnabend, und es wurde Sonnabend in einer Zeit, da ich mich an den Namen der Wochentage durchs Leben hangelte [...] [Strittmatter, 1981. S. 121]; *hinterherrennen* → *dem Reichtum hinterherrennen* (übertr.): Ich habe nie verstanden, warum so viele Leute ihre gesamte Energie darauf verschwenden, dem Reichtum hinterherzurennen [Grube, 2005. S. 125] (ср.: *zu Reichtum kommen*; *Reichtum erwerben* ‘reich werden’); *aufgleisen* → *eine Reise aufgleisen* (übertr.): Gleisen Sie eine unvergessliche Reise auf! [CityNightLine...,

2005. S. 23] (ср. *eine Reise machen*). Обращение к метафоре как инструменту истолкования подобных проявлений аналитизма, хотя и обладает некоторой объяснительной силой, в конечном счете, лишь отчасти проясняет дело.

Итак, в процессе изучения аналитических конструкций обнаруживаются содержательные моменты, наличие которых нельзя не признать, но которые невозможно «пристегнуть» к лексическому значению путем компонентного анализа, возможности которого оказываются ограниченными, а практическое применение связано с большими трудностями и не оправдывает себя в должной мере. Очевидно, причина названных трудностей заключается в том, что подобные содержательные моменты (добавочные смыслы, образный компонент) лежат за пределами лексического значения – они принадлежат сфере когниции, должны определяться на концептуальном уровне.

Наличие неясных вопросов, связанных с формированием и функционированием в языке аналитических конструкций, поиск путей адекватного объяснения этого уникального языкового феномена вынуждают обратиться к идеям, выработанным современной когнитивной лингвистикой. Когнитивный аспект аналитизма в языках различных типов представляется, по признанию И. В. Шапошниковой, на сегодняшний день слабоизученным. Между тем эта сторона «заслуживает особо пристального рассмотрения, поскольку связана с изучением актуальной для сегодняшней лингвистики проблемы взаимодействия различных семантических ресурсов, которыми располагает человек в процессе категоризации познавательного опыта» [Шапошникова, 2005. С. 13].

Когнитивный подход, позволяющий вскрыть и проследить механизм отображения и распределения в семантической структуре языка знаний о мире и о самом языке, открывает новые перспективы исследования языкового знака. Рассмотрение единиц разных языковых уровней в аспекте репрезентации концептуальных структур является сегодня одним из ведущих направлений исследования когнитивной лингвистики [Кубрякова, 2004; Болдырев, 2004], и полученные здесь результаты служат благоприятствующим обстоятельством для нового осмысления многогранного феномена аналитизма –

рассмотрения когнитивных основ аналитической репрезентации.

Использование понятия аналитической репрезентации концепта (см. [Ушкова, 2003]), введенного нами для обозначения особого способа отражения в языке концептуального содержания, существующего в сознании в виде некоего неделимого целого и расчленяемого лишь в языке, позволяет вести речь об аналитических конструкциях субстантивно-глагольного типа как одном из языковых средств аналитической репрезентации.

Осмысление научных результатов, достигнутых, прежде всего, в области композиционной семантики, дает основание признать теорию концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner, 1998] одним из наиболее продуктивных подходов к исследованию языковых структур [Бабина, 2002] включая аналитические структуры. Использование принципиально нового инструмента лингвистического описания, предлагаемого в рамках данной теории, способствует раскрытию когнитивного механизма, определяющего формирование субстантивно-глагольных аналитических конструкций, выяснению сущности данного средства языковой репрезентации.

Специфическая, сущностная характеристика, выделяющая аналитическую репрезентацию из всех прочих видов языковой репрезентации, представленной сложными конструкциями, усматривается во внутренней поляризации смыслов.

Пользуясь концептуальным аппаратом когнитивной лингвистики, можно сказать, что имя существительное в аналитической структуре служит репрезентатором объективно заданного концептуального содержания, ориентированного преимущественно на мир и лишь отчасти – на систему языка, а глагол служит репрезентатором концептуального содержания, ориентированного преимущественно на систему языка и лишь отчасти – на мир.

Идея обращенности к миру вещей или к миру идей, присутствующая в традиционном понимании лексического и грамматического значения, будучи пропущена через призму категории знания, эксплицируется в базовых понятиях фреймовой семантики [Филлмор, 1988]. Согласно положению данной теории утверждается существование двух видов фреймов: понятие бытийного фрейма заключает в себе представление о

мире, соотносится со знанием о мире; понятие классификационного фрейма заключает в себе представление о языке, соотносится со знанием о языке.

Такой взгляд предлагает более сложное, но, как кажется, более верное восприятие мира вещей и мира идей, выражает более точное определение «идеального» путем различения абстракции, обращенной к миру вещей, и абстракции, обращенной к языку.

Представляется реальным выяснить когнитивные основы аналитической репрезентации, опираясь на теорию представления знаний при помощи фреймов, принимая за основу определение фрейма как структурированного знания [Минский, 1979], и соответственно обосновать положение о том, что аналитической репрезентации концепта соответствует особая фреймовая структура, которая характеризуется взаимодействием бытийного и классификационного фреймов (точнее субфреймами, поскольку тот и другой совместно образуют более крупную когнитивную структуру), типичным именно для этого вида репрезентации.

Фрейм как ментальное образование – образ стереотипной ситуации – представляет собой, по замыслу М. Минского, подобие сети, которая состоит из узлов, связанных между собой, расположенных на нескольких уровнях и содержащих «заполненные» или «пустые» терминалы, и может включать в себя субфреймы. Отметим, что фрейм в настоящем понимании не просто структурирует концепт, являясь в этом смысле его основанием, но одновременно представляет собой центральную часть ментального пространства, образуемого данным концептом. Излагаемое нами понимание ментального пространства, возникшее под влиянием теории ментальных пространств Ж. Фоконье (см.: [Fauconnier, 1998]), базируется на исходном представлении о соотношении областей реального и вымышленного мира с ментальной сферой человека, которое устанавливается в процессе его когнитивной деятельности и приводит к формированию и взаимодействию особых областей, называемых ментальными пространствами.

В процессе аналитической репрезентации концепта самые, казалось бы, второстепенные фрагменты информации, ассоциативно связанные с концептом, наиболее отдаленные элементы его ментального пространства могут оказаться в фокусе внимания. Напри-

мер, концепт 'Hoffnung' структурируется фреймом, имеющим вид пропозиции 'jemand wartet mit Zuversicht und Optimismus auf das, was ihm die Zukunft bringen wird' (некоторое лицо на определенных основаниях ожидает события, желанного для него и могущего наступить в будущем). Элементы фреймовой структуры концепта 'Hoffnung' содержат следующие элементы бытийной информации, заполняющие терминалы: 'субъект (лицо)', 'ментальное действие субъекта (ожидание)', 'объект ментального действия субъекта (событие)', 'время наступления события как объекта ментального действия субъекта (будущее)', 'основания для ментального действия субъекта (уверенность в наступлении события)', 'положительное отношение со стороны субъекта к объекту его ментального действия (желанность наступления события)'.

Для концепта 'Hoffnung' все выявленные элементы являются обязательными, поскольку при ином заполнении терминалов или отсутствии заполнения возникает иная концептуальная сущность. В процессе языковой репрезентации все названные элементы обнаруживаются как в глагольной, так и в субстантивной номинациях, а также в самой простой субстантивно-глагольной аналитической номинации: seine Hoffnung, er hofft, er hat eine Hoffnung. Однако, помимо перечисленных элементов, в ментальном пространстве концепта 'Hoffnung' содержатся элементы информации – 'постоянство' (man hofft, solange man lebt), 'обманчивость' (die Hoffnungen haben sich als illusorisch erwiesen), 'пагубная бездеятельность' (Hoffen und Harren macht manchen zum Narren) и др.

Ряд устойчивых представлений о надежде прочно закрепился в языке, в частности в рассматриваемых нами единицах аналитического строя. Среди них представление о надежде как неотъемлемой части человеческой жизни, в котором доминирует ассоциативная связь надежда \leftrightarrow жизнь (вплоть до ее противоположности: отсутствие надежды \leftrightarrow смерть), а также представление о надежде как величайшей ценности, без которой жизнь немислима (надежда \leftrightarrow радость, надежда \leftrightarrow утешение). Данные представления принадлежат ментальному пространству концепта 'Hoffnung' и обнаруживаются в ментальном пространстве аналитически репрезентируемого концепта

в виде образного компонента, например в соответствующих репрезентациях: 'кража' (jmdn. um seine Hoffnungen bestehlen); 'погребение' (die Hoffnung begraben, seine Hoffnung zu Grabe tragen); 'свет' и 'тепло' (die Hoffnung dämmerte in ihm, wir haben keinen Funken Hoffnung mehr, ein Strahl der Hoffnung lag auf ihrem Gesicht; sich in der Hoffnung sonnen; die Hoffnung glimmt nur noch).

Использование понятия ментального пространства в предложенной трактовке позволяет охватить самые разнообразные фрагменты информации бытийного содержания – ведь именно невниманием к подобным моментам отличались предыдущие интерпретации семантики субстантивно-глагольных словосочетаний аналитического типа – и отразить их в описании когнитивной модели данного типа конструкций. Это поможет сделать общую картину аналитической репрезентации концепта более нюансированной, углубить представление о данной языковой универсалии.

Таким образом, модель концепта, строящаяся на понятиях фрейма как его структурной основы и ментального пространства как широкой концептуальной сферы, включающей все ассоциативно связанные с данным концептом элементы информации (из близких и отдаленных, параллельных и чужих сфер), предоставляет реальную возможность убедительной интерпретации когнитивной структуры, объективируемой аналитическими конструкциями.

Поскольку аналитическая конструкция воспринимается как нечто концептуально целое (вспомним идею совместного выполнения знаковой функции именем существительным и глаголом как компонентами аналитической конструкции – один из основных тезисов теории номинации, касающийся аналитических структур), возникает вопрос о том, как происходит заполнение терминалов в соответствующей фреймовой структуре, как совмещаются фрейм, лежащий в основе имени существительного, и фрейм, лежащий в основе глагола, и как сочетаются при этом бытийный и классификационный фреймы.

Представление о том, что имя существительное аналитической конструкции репрезентирует бытийный фрейм, а глагол – классификационный фрейм, является упрощенным. Можно сказать, что с некоторой натяжкой оно

допустимо в отношении имени существительного, но несостоятельно по отношению к глаголу, который в сочетании с именем существительным в составе аналитической конструкции никогда не является репрезентантом «чистого» классификационного фрейма.

Собственно говоря, именно в вышеназванном упрощении и состояла особенность традиционного взгляда на полуслужебные глаголы аналитических конструкций, который, хотя и высказывался в иной терминологии, в принципе отражал то же самое огрубление, при котором в интересах построения удовлетворительной грамматической модели как бы «округлялись» концептуальные тонкости, обнаруживаемые в семантике большинства аналитических конструкций, восходящие к глаголу.

Углубление представления о механизме формирования аналитических конструкций и развития глагольной полуслужебности предполагает построение более сложной модели, учитывающей характер преломления структур знания в языковой семантике, в создании которой можно опираться на знание уже известных фактов, касающихся аналитических конструкций и обсуждавшихся в связи с проблемами аналитического способа номинации.

Разграничение между знанием о мире (бытийным фреймом) и знанием о языке (классификационным фреймом) может представляться не столь существенным, пока имя существительное и глагол рассматриваются как самостоятельные знаковые сущности. Однако как только имя существительное и глагол превращаются в компоненты аналитической конструкции, совместно участвуя в репрезентации концепта, противопоставление бытийного и классификационного фрейма становится полезным для установления глубинных особенностей данного типа репрезентации, для осмысления специфики когнитивного механизма, лежащего в основе аналитической репрезентации.

Для сопоставления типов фреймов, стоящих за именем существительным и глаголом как компонентами аналитической конструкции, необходимо обратиться к исходным отличиям имени существительного и глагола, которые изначально обнаруживаются на ментальном и языковом уровнях. Несомненно – и это было отмечено в функционально-семантических исследованиях –

то, что имя существительное и глагол как компоненты аналитической конструкции представляют собой не те же самые сущности, которыми они являются до момента их интеграции в единый языковой знак, выступающий как особое средство репрезентации концепта.

Противопоставление компонентов аналитической конструкции по функциональным свойствам, а также по когнитивным свойствам, как выясняется в процессе моделирования фрейма, стоящего за аналитической конструкцией, связано с изначальным противопоставлением имени существительного и глагола как полярных классов слов.

Исследование частей речи с когнитивной точки зрения углубило представление об их сущности, позволило внести существенные уточнения в картину противопоставлений выделяемых классов слов, сделав ее многомерной [Кубрякова, 2004. С. 189–287]. Вместе с тем более убедительный характер приобрело обоснование известного противоречия – совмещения «глагольности» и «субстантивности» в признаково-событийной семантике имен существительных, типичных субстантивных компонентов аналитических конструкций.

Очевидно, противопоставление имени существительного и глагола как двух классов слов, кардинально противоположных по своим категориальным свойствам, нуждается в особых комментариях в том случае, когда речь идет об именах абстрактных признаково-событийной семантики, в особенности из числа девербативов (деадъективов). Девербативы принято считать классическим примером транспозиции (субстантивации), одним из наиболее ярких проявлений номинализации [Гак, 1976; Brinkmann, 1971. S. 634; и мн. др.]. При всей многочисленности толкований понятия номинализации суть ее усматривается в межкатегориальной замене «глагол → имя существительное» и определяется как «опредмечивание» действия, толкуется как переосмысление образа признака в образ предмета [Кубрякова, 2004. С. 192–209; Langacker, 1991. P. 78; и др.]. Решение вопроса о соотношении предметности-субстантивности и процессуальности-глагольности должно, на наш взгляд, базироваться на понимании предмета (предметности) и процесса (процессуальности) как онтологических категорий в отличие от суб-

стантивности и глагольности как языковых категорий.

Девербативные имена существительные интерпретируются как гибридное пространство глагола и имени существительного, поскольку совмещают в себе категориальные свойства этих двух частей речи [Ирисханова, 2000]. По нашему мнению, номинализация двойственна в том смысле, что бытийный фрейм, который репрезентируется ею, отличается двойственностью: с одной стороны, он сходен с бытийным фреймом прототипического глагола – это «процессуальность», а с другой стороны, он сходен с бытийным фреймом прототипического имени существительного – это «статичность». Это и позволяет считать номинализацию переходным явлением в семантике классов слов, мостиком между классом имен существительных и классом глаголов. Окончательная идентификация продуктов номинализации как имен существительных происходит на основании того, что в основе подобных единиц лежит классификационный фрейм – это «субстантивность».

Итак, если подойти к этому с позиций фреймовой семантики, то близость имени существительного-девербатива глаголу объясняется тем, что подобное имя существительное представляет собой фрейм, в котором совмещается классификационный фрейм существительного и бытийный фрейм глагола (формально – имя существительное, содержательно – глагол). Сказанное в определенной мере относится ко всем именам признаково-событийной семантики, поскольку в их ментальных пространствах также присутствует бытийный фрейм процессуальности, хотя это проявляется не столь явно, как в случае имен существительных-девербативов.

Именно эта близость и служит фактором возникновения особого когнитивного механизма, действие которого приводит к регулярному формированию аналитических конструкций – аналитической репрезентации концепта. Иными словами, функционирование в языке свободной номинализации с ее двойственной, гибридной когнитивной структурой является благоприятным и, более того, определяющим обстоятельством возникновения особого рода фрейма – когнитивной структуры, лежащей в основе аналитической конструкции. В этой связи полезно вспомнить идею формирования

аналитических конструкций «под давлением» имен признаково-событийной семантики, прежде всего девербативов, которая высказывалась в этой связи в разных формулировках и содержательных вариантах (см., например: [Polenz, 1987. S. 171]).

По сути дела, за этим положением стоит реальная закономерность процесса когнитивности: ментальная и языковая репрезентация концепта, когнитивным основанием которого является процесс, выглядит как регулярная последовательность «глагол → имя девербативное → аналитическая конструкция, содержащая данное имя девербативное» – вербальных выражений производных друг от друга фреймовых структур, так или иначе отражающих одну и ту же ситуацию и содержащих соответствующий бытийный фрейм.

Предикаты по сути – имена признаково-событийной семантики, стремятся приобрести оптимальную для них функцию, предикативную функцию, т. е. стать предикатами по форме. Путь, выработанный для достижения этой цели и на протяжении многих десятилетий сформировавшийся как когнитивный механизм, действие которого приводит к формированию аналитических конструкций.

Имя девербативное преобразуется в компонент аналитической конструкции путем изменения соответствующей когнитивной структуры, которая как бы «усекается» до бытийного фрейма. При этом нивелируется именно классификационный фрейм имени существительного – редуцируется или устраняется в зависимости от конкретного случая – и в этом заключается главное отличие между самостоятельной номинализацией и номинализацией как компонента аналитической конструкции.

В процессе преобразования глагола в компонент аналитической конструкции бытийный фрейм процессуальности вытесняется из соответствующей ему когнитивной структуры в ее изначальном виде. Причем элементы исходного бытийного фрейма, лежащего в основе глагола, трансформируются в элементы, достраивающие базовый бытийный фрейм, стоящий за именем существительным. Тогда когнитивная структура, соответствующая полуслужебному глаголу, сформированному в процессе аналитической репрезентации, выступает в виде классификационного фрейма глагольности.

Таким образом, бытийный фрейм, соотносимый с глаголом, фактически разрушается, в то время как базовый бытийный фрейм, соотносимый с именем существительным, сохраняется, хотя и усложняется, — открываются дополнительные слоты, которые заполняются преобразованными элементами бытийного фрейма исходной когнитивной структуры, репрезентируемой глаголом.

Вышеизложенное позволяет уточнить представление о том, каким образом «комплектуется» когнитивная структура, выражаемая аналитической конструкцией: образуется «двухэтажное» гибридное пространство, в котором бытийный фрейм, репрезентируемый именем существительным, совмещается с фреймом, репрезентируемым полуслужебным глаголом, причем последний сам по себе представляет собой гибридное пространство классификационного и бытийного фреймов (являющихся в данном случае субфреймами).

Следовательно, знание о мире, репрезентируемое аналитической конструкцией, складывается из элементов ментальных пространств имени существительного и глагола, а языковое знание представлено исключительно элементами ментального пространства глагола. При этом элементы ментального пространства глагола, принадлежащие интегрированному ментальному пространству аналитической конструкции, представляют собой преобразованные элементы исходного ментального пространства глагола.

Таким образом, языковое значение аналитической конструкции не является результатом механического соединения языковых значений ее субстантивного и глагольного компонентов, а формируется в результате сложного взаимодействия соответствующих ментальных пространств, возникающая на их пересечении и представляя собой продукт концептуальной интеграции. Значение аналитической конструкции фиксирует отдельные элементы интегрированного ментального пространства, которое, будучи новым образованием, несет в себе следы исходных ментальных пространств.

Попытки рассмотрения субстантивно-глагольных словосочетаний аналитического типа в русле вышеназванных идей, приводят к убеждению, что при таком подходе открываются новые перспективы в дальнейшем теоретическом осмыслении языкового

явления, столь характерного для современного немецкого языка. Дополнение традиционных воззрений на языковой аналитизм, а также традиционных методов его исследования когнитивной интерпретацией обеспечивает углубление научных представлений о данном феномене.

Список литературы

Абрамов Б. А. Немецкие и русские аналитические глагольно-именные сочетания структурного типа «предложный компонент + глагол» в сопоставительном аспекте // Избр. работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания / Под ред. Н. Н. Семенюк. М.: Кругъ, 2003. С. 410–424.

Бабина Л. В. Концептуальная интеграция как одна из операций, осуществляющих вторичную репрезентацию, и возможности ее использования для описания семантики языковых единиц // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Т. А. Фесенко. Тамбов; Билефельд; Барселона: Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2002. Вып. 2 С. 303–309.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопр. когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. С. 85–102.

Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип частичного и полного слова // Вопр. грамматического строя. М.: АН СССР, 1955. С. 322–361.

Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1965. С. 5–57.

Ирисханова О. К. Когнитивные аспекты номинализации // Когнитивная семантика: Материалы второй междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11–14 сентября 2000 г. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2000. Ч. 2. С. 75–76.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.

Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.

Ушкова Н. В. Проблемы исследования аналитической репрезентации концепта (на материале субстантивно-глагольных конструкций современного немецкого языка) // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2003. Вып. 3 (31). С. 36–46.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 52–92.

Шапошникова И. В. Становление аналитизма как диахроническая типологическая константа в английском языке // Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах. Новосибирск, 2005. С. 7–26.

Ярцева В. Н. Проблемы языкового варьирования: исторический аспект // Языки мира: проблемы языковой вариативности. М.: Наука, 1990. С. 4–35.

Bahr B. I. Untersuchungen zu Typen von Funktionsverbgefügen und ihrer Abgrenzung gegen andere Arten der Nominalverbindung: Inaug. Diss. / Vorgelegt von Brigitte Inge Bahr. Bonn, 1977. 281 S.

Behaghel O. Deutsche Syntax. In vier Bänden. Heidelberg: Winter, 1923–1932. [Bd. 1. XXXI S., 740 S.; Bd. 2. XII S., 444 S.; Bd. 3. XII S., 823 S.; Bd. 4. XX S., 322 S.]

Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. 2. Aufl. Düsseldorf: Schwann, 1971. XXXI, 939 S.

Daniels K. Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Nominaler Ausbau des verbalen Denkkreises. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1963. 249 S.

Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Stuttgart; Weimar: Metzler. Bd. 2: Der Satz. 1999. 551 S.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. USA: Cambridge Univ. Press., 1998. 190 p.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22 (2). P. 133–187.

Glinz H. Die innere Form des Deutschen: eine neue deutsche Grammatik. 5. Aufl. Bern; München: Francke, 1968. (Bibliotheca Germanica; 4.) 505 S.

Grimm J. Deutsche Grammatik. In vier Bänden. Göttingen: Dietrich, 1822–1837.

[Bd. 1. XX S., 1082 S.; Bd. 2. XI S., 1020 S.; Bd. 3. VIII S., 788 S.; Bd. 4. VIII S., 964 S.]

Grundzüge einer deutschen Grammatik. 2., unveränd. Aufl. Berlin: Akademie-Verlag, 1984. 1028 S.

Günther H., Pape S. Funktionsverbgefüge als Problem der Beschreibung komplexer Verben in der Valenztheorie // Kopenhagener Beiträge. Untersuchungen zu Verbvalenz / Hrsg. von H. Schumacher. Tübingen, 1980. S. 92–128.

Helbig G. Probleme der Beschreibung von Funktionsverbgefügen im Deutschen // Studien zur deutschen Syntax. Leipzig: Enzyklopädie, 1984. Bd. 2. S. 92–128.

Heringer H.-I. Die Opposition von «kommen» und «bringen» als Funktionsverben. Untersuchungen zur grammatischen Wertigkeit und Aktionsart. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1968. 130 S.

Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Bases of Grammar // Cognitive Linguistics Research 1. Berlin; N. Y.: Motion de Gruyter, 1991. 395 p.

Polenz P. von Funktionsverben, Funktionsverbgefüge und Verwandtes. Vorschläge zur satzsemantischen Lexikographie // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 1987. № 15. S. 168–188.

Steinitz R. Zur Semantik und Syntax durativer, inchoativer und kausativer Verben // Linguistische Studien. Reihe A. 1977. Bd. 35. S. 85–123.

Wunderlich H. Der deutsche Satzbau. In zwei Bänden. 2. Aufl. Stuttgart: Cotta, 1901. [Bd. 1. XLII S., 418 S.; Bd. 2. X S., 441 S.]

Список словарей

Brockhaus, Wahrig, 1980–1984: Deutsches Wörterbuch. In sechs Bänden / Hrsg. von G. Wahrig, H. Krämer, H. Zimmermann. Stuttgart, 1980–1984. 5310 S.

Duden, 1988: Stilwörterbuch der deutschen Sprache / Hrsg. von G. Drosdowski. 7, völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1988. (Der Duden; Bd. 2) 864 S.

Duden, 1999: Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache. In zehn Bänden / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 1999. 4800 S.

Duden, 2001: Duden Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 4., neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2001. 1892 S.

Wahrig, 1994: Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Mit einem «Lexikon der deutschen Sprache» / G. Wahrig. Neu hrsg. von Dr. R. Wahrig-Burfeind. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1994. 1824 S.

Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache 1974–1977: In sechs Bänden / Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz. Berlin: Akademie-Verlag, 1974–1977. 4579 S.

Список источников фактического материала

CityNightLine Europas moderner Nachtreisezug. Zürich: CityNightLine CNL AG, 2005. 29 S.

Grube T. Der Schokoholic. München: Blanvalet Verlag, 2005. 285 S.

Strittmatter E. Die blaue Nachtigall oder Der Anfang von etwas. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1981. 141 S.

Материал поступил в редколлегию 14.09.2006